

Звон разбитого зеркала, донесшийся из покоев, оборвал веселый девичий смех. Служанки Тао Яо и Би Хуа, болтавшие на крыльце, испуганно переглянулись. Недоумевая, что могло произойти, они поспешили к дверям. Би Хуа замялась на пороге, собираясь спросить разрешения войти, но Тао Яо без тени робости толкнула створку. Поколебавшись мгновение, Би Хуа послушно опустила голову и шагнула следом.

Увидев Хан Сиэня, который стоял у стола среди осколков зеркала, Тао Яо сделала изящный реверанс.

— Наследник, — пропела она с мягким укором, — вы ведь так слабы. Зачем поднялись с постели? Если вам что-то понадобилось, только позовите, рабыня сразу все исполнит.

Тао Яо была потомственной служанкой в герцогском поместье и прежде прислуживала самой Старой госпоже, что давало ей немалый вес среди прислуги. Позже, видя, как часто хворает Наследник, Старая госпожа Хань сочла его прежних слуг нерадивыми и лично отправила к нему Тао Яо.

Девушке едва исполнилось пятнадцать. Статная, белокожая, удивительно миловидная, она умела смотреть так, что в ласковом прищуре читалась искренняя забота. Этот капризный, полусонный голосок придавал ей особое очарование.

Однако Хан Сиэнь даже не взглянул на нее. Его пальцы лениво перебирали тусклые монеты в обшарпанной шкатулке. Он тихо, безразлично усмехнулся:

— Чтобы поручить тебе дело, тебя для начала нужно отыскать. Не так ли?

Стоявшая позади нее Би Хуа уступала подруге в красоте, но и ее дурнушкой назвать было нельзя. Уловив в голосе молодого господина ледяные нотки и явную угрозу, она похолодела от страха. В отличие от Тао Яо, Би Хуа была купленной служанкой. Без связей и покровителей в поместье, она попала к Наследнику лишь по чистой случайности.

Осознав свое шаткое положение, Би Хуа поспешно упала на колени:

— Наследник, пощадите...

Увидев это, Тао Яо неохотно опустилась рядом. Не дав подруге договорить, она заговорила сама — обиженно и жалобно:

— Простите покорную служанку, Наследник! Вы внезапно лишились чувств, и Матушка Дун поспешила к госпоже, чтобы прислали лекаря. Меня же в это время призвала к себе Старая госпожа, расспрашивая о вашем здоровье. Я не смогла вовремя вернуться к вашему ложу. В этом лишь моя вина.

В душе Тао Яо затаила злобу на Би Хуа за то, что та так быстро преклонила колени, лишив ее возможности оправдаться стоя. В своих речах она ловко умолчала о том, где пропадала сама Би Хуа, зато искусно напомнила, что ходила по поручению грозной Старой госпожи Хань.

Би Хуа не смела перечить и лишь беззвучно застыла, уперевшись лбом в холодный пол. Тао Яо же была уверена, что после упоминания Старой госпожи Хан Сиэнь, как обычно, велит ей подняться. Однако юноша пропустил ее слова мимо ушей и не проронил ни звука.

Время для коленопреклоненной Тао Яо потянулось невыносимо медленно. Вскоре нежные колени заныли от боли. В груди вскипела горькая обида. С самого детства родители оберегали ее от тяжелой работы, лелея надежду выдать ее замуж за знатного человека и обеспечить ей безбедное будущее. Даже служа у Старой госпожи, она пользовалась почетом, а уж после перевода к Наследнику — самому незаметному и слабому господину в доме — и вовсе зажила на широкую ногу, не зная забот и услаждая себя удобствами, коих не знали даже барышни из небогатых семей.

Ей еще никогда не приходилось стоять на коленях так долго. Но пока Наследник не даст дозволения, она не посмеет подняться. Каким бы ничтожным ни казался этот болезненный юноша остальным обитателям поместья, на людях никто не смел выказывать ему пренебрежения. Пока он носил титул Наследника герцога Хань, она оставалась лишь рабыней, обязанной чтить законы покорности.

Пока Хан Сиэнь лениво вертел в руках жалкие крупички серебра, его мысли были заняты устройством этого мира.

Местная династия Великая Чжоу не имела ничего общего с той, что он помнил из учебников истории. В этой загадочной империи люди делились не только на мужчин и женщин: существовал и третий, удивительный гендер — гэеры.

Внешне гэеры походили на мужчин, но между бровей у них алела особая отметка — кроваво-красная родинка. Они могли как выйти замуж, так и взять себе жену. В первом случае родинка оставалась нетронутой на всю жизнь; во втором же — бесследно исчезала после первой брачной ночи. Впрочем, кем бы ни выступал гэер в союзе, зачать дитя ему удавалось крайне редко. К тому же, рождались у них исключительно сыновья или новые гэеры, но никогда — дочери. Обычные женщины тоже могли произвести на свет дитя-гэера, но такие случаи считались величайшей редкостью.

Семейное древо дома Хань не отличалось запутанностью, хотя страсти в нем кипели поистине шутовские.

Основатель рода, первый герцог Хань, в юности был обычным забойщиком свиней. По счастливой случайности он спас жизнь восставшему родоначальнику династии — Императору Тай-цзу, после чего примкнул к его армии простым ратником. Бывший мясник не смыслил в военных хитростях, но брал безрассудной отвагой и свирепостью в бою. Больше всего Тай-цзу ценил в нем слепую преданность: тот беспрекословно исполнял любые приказы, никогда не

смея перечить государю.

Взойдя на престол и раздавая награды сподвижникам, новоиспеченный владыка вспомнил о своем спасителе. В порыве щедрости вместо скромного титула третьего ранга он даровал бывшему мяснику титул герцога первой степени, позволив передавать его по наследству без понижения ранга.

К сегодняшнему дню сменилось уже пять поколений герцогов Хань. Род давно избавился от клейма безродных торговцев мясом, обзавелся бесчисленными побочными ветвями и превратился в одно из самых влиятельных и уважаемых семейств Великой Чжоу.

Старый глава дома давно скончался от болезни, но Старая госпожа Хань все еще была полна сил. Под ее началом находились трое законных сыновей, две дочери и один рожденный наложницей гэер.

Отец Хан Сиэня, старший сын Хан Чжо, унаследовал герцогский титул и поместье. Вторым брат, Хан Шу, служил пятиранговым секретарем в Министерстве строительных работ, а третий, Хан Пин, занимал должность префекта четвертого ранга на богатом юге, в Цзяннани. Из почтения к престарелой матери братья не стали делить имущество после смерти отца и продолжали жить под одной крышей, улаживая Старую госпожу сыновней заботой.

Сам же Хан Сиэнь, законный первенец герцога, которому вскоре должно было исполниться пятнадцать лет, занимал в доме крайне двусмысленное положение.

Его покойная матушка, госпожа Ван, была любимой дочерью маркиза Цзинго. В юности она славилась ослепительной красотой, безупречными манерами и живым умом, за что снискала искреннее уважение среди столичной знати. Брак госпожи Ван с Хан Чжо казался образцовым: супруги жили душа в душу, вдохновляя поэтов на возвышенные стихи о вечной любви.

Старший брат госпожи Ван, гэер по имени Ван Ин, превосходил сестру статью и изысканной красотой. Еще в юности он пленил сердце Императора и был взят во дворец, где быстро затмил остальных наложниц, удостоившись высочайшего титула Императорского благородного супруга.

Высокое положение брата при дворе лишь укрепляло авторитет госпожи Ван в семье мужа. Однако благополучие длилось недолго: алчность обитателей герцогского поместья не знала границ.

У Хан Чжо было две младших сестры. Старшая из них, расчетливая и умная Хан Юнь, отличалась не только миловидным лицом, но и выдающимся умом. С детства погруженная в чтение древних свитков, она заслужила славу первой столичной поэтессы. В самый разгар триумфа Ван Ина она сумела втереться в доверие к Вдовствующей императрице, которая и представила девушку государю. Хан Юнь вошла во дворец, получив титул добродетельной наложницы Сянь-фэй.

С этого момента положение госпожи Ван пошатнулось. Пользуясь тем, что за первый год замужества невестка так и не принесла роду Хань наследника, Старая госпожа немедленно навязала сыну двух наложниц. Хан Чжо покорно принял подарки матери, однако детей на стороне заводить не спешил.

Когда во дворце Императорский благородный супруг Ван Ин благополучно разрешился от бремени Третьим принцем Цзи Ло, позиции госпожи Ван вновь укрепились. Год спустя она сама понесла, и лекари подтвердили, что под сердцем она носит двойню.

Когда срок ее беременности перевалил за шесть месяцев, пришла весть, что наложница Хан Юнь тоже ждет дитя. Радостная весть совпала с днем рождения Вдовствующей императрицы, которая щедро осыпала дом Хань милостями.

Трагедия грянула на восьмом месяце. Госпожа Ван уехала в поместье маркиза Цзинго, чтобы навестить родившую невестку. Посреди празднества громом среди ясного неба раздалась весть: во дворце скоропостижно скончался от таинственной хвори ее брат Ван Ин.

Поместье маркиза погрузилось в хаос. От горя и ужаса у госпожи Ван начались преждевременные роды. Возвращаться в герцогский дом было поздно, и той же ночью в родных стенах она родила мальчика и девочку. Сама роженица скончалась от сильнейшего кровотечения, а новорожденных близнецов недоброжелатели тут же окрестили проклятыми «убийцами матери».

Спустя несколько месяцев во дворце благополучно родился Пятый принц Цзи Хуай.

После кончины супруги безутешный Хан Чжо горько плакал над колыбелью сирот. Выдержав строгий траур в течение года, он нарек первенцев Сиэнем и Минчжу. Однако отсутствие хозяйки в обширном поместье порождало хаос, и вскоре герцог взял в жены госпожу Лю, племянницу Старой госпожи по боковой линии.

Род новой супруги был небогат, и в столице поговаривали, будто Хан Чжо сознательно выбрал бесприданницу, дабы та из почтения к его статусу не смела обижать осиротевших детей его первой, благородной жены.

Через полгода после свадьбы на западных рубежах вспыхнула война. Молодой маркиз Цзинго вызвался усмирить варваров Сижуня. Его престарелая мать, Старая госпожа Ван, решила последовать за сыном на Заставу Небесных Врат.

Незадолго до их отъезда из дома Хань пришли тревожные вести: маленькая Хан Минчжу тяжело занемогла. Вне себя от ярости, Старая госпожа Ван лично ворвалась в герцогское поместье, обвинила зятя в истязании сироты и силой забрала внучку с собой на дикий Запад.

Еще через два года забеременела новая жена герцога, госпожа Лю. Словно стремясь доказать свою верность памяти первой супруги, Хан Чжо немедленно испросил у Императора титул

Наследника для трехлетнего Хан Сиэня. Этот благородный жест долго воспевали в столичных гостиных как пример истинной отцовской любви.

Все это было лишь парадной вывеской для праздной толпы. Настоящие же мотивы, скрытые за высокими стенами дворцов и семейных покоев, Хан Сиэнь знал до мельчайших подробностей.

Смертоносный взрыв в прошлой жизни не только забросил его в это странное тело, но и наделил редким даром — способностью читать чужие мысли.

Пока Хан Сиэнь размышлял о том, как устроить свою новую жизнь с наибольшим удобством, в комнату вошла его кормилица, Матушка Дун.

Она была прислана из поместья маркиза Цзинго вместе с четырьмя верными служанками покойной госпожи Ван, чтобы оберегать слабого младенца. Столичные кумушки долго шептались, что родня по материнской линии переходит все границы приличий, не доверяя заботу о ребенке его отцу, но поскольку сам Хан Чжо не возражал, споры быстро утихли.

Из-за преждевременных родов Хан Сиэнь с пеленок рос болезненным и слабым. Большую часть времени он проводил в постели, и, несмотря на громкий титул Наследника, слуги и родственники почти забыли о его существовании.

Увидев, что Наследник стоит у стола, сжимая в ладони серебро, а под его ногами лежат осколки зеркала и безмолвно плачут служанки, Матушка Дун замерла. На ее лице на миг промелькнуло испуганное недоумение. Но она быстро опомнилась и, всплеснув руками, подбежала к юноше.

— Ох, Наследник, дитяtko мое! Зачем же вы поднялись с постели? Отчего гневаетесь? — Она со злостью обернулась к служанкам. — Ах вы, негодные потаскушки! Стоило старой мне на миг отлучиться, как вы уже довели молодого господина! Разве вам неведомо, что его слабому телу противопоказаны волнения? Господин мой, не губите свое здоровье из-за этих никчемных девок!

Благодаря давней привязанности Матушка Дун позволяла себе в общении с ним куда больше вольностей, чем обычные слуги, и часто называла его просто по-родственному ласково.

Хан Сиэнь медленно поднял глаза, одарив кормилицу странной, едва уловимой усмешкой, но заговорил на удивление мягко:

— Раз уж няня просит за вас, так и быть. Поднимитесь. Ступайте на кухню и принесите мне рисового отвара. Я голоден.

Едва державшаяся на затекших ногах Би Хуа и изнывающая от боли Тао Яо поспешно поклонились и выскользнули за дверь.

Матушка Дун нерешительно замерла посреди комнаты, не зная, куда деть руки. Хан Сизнь взглянул на нее и вкрадчиво произнес:

— Если не ошибаюсь, через три дня у Старой госпожи юбилей?

Няня сокрушенно вздохнула:

— Все так, господин. В поместье суматоха, госпожа Лю даже наших служанок со двора забрала помогать на передний замок. Но вы, Наследник, не принимайте это близко к сердцу. Старая карга и раньше вас не жаловала, а теперь и вовсе глаз не кажет... Эх, только старая я и смею говорить вам эту горькую правду. — У нее набежали слезы, и она утерла глаза краем рукава.

Хан Сизнь тихо рассмеялся, переведя холодный взор на дымящуюся чашу с горьким лекарством на столе.

— Вы правы, няня. Здоровье мое слабо, я прекрасно это помню. Именно поэтому я обязан преподнести Старой госпоже и всему нашему почтенному дому по-настоящему незабываемый подарок.

В своей первой жизни на посту Наследника герцога он преподнес бабке две смерти: человека, погубившего его матушку, и свою собственную.

Во второй жизни его прощальным даром стало публичное разоблачение — он заставил именитых гостей содрогнуться, явив им всю бездну порока, царившего за закрытыми дверями этого благообразного семейства.

Теперь шла его третья жизнь. Прежде он считал этот мир невыносимо скучным и не собирался задерживаться в нем надолго, отчего действовал грубо и поспешно.

Но на сей раз он сыграет иначе. Эта месть будет долгой, тягучей и изощренной — такой, чтобы каждый член семьи Хань до конца своих дней захлебывался собственным ужасом.

— Что вы сказали, Наследник? — не расслышав его тихого шепота, переспросила Матушка Дун.

Юноша не ответил. Он опустил ресницы, уходя в свои мысли.

Глядя на его бледное, исхудавшее лицо, кормилица внезапно ощутила, как по спине пробежал ледяной сквозняк. Она невольно поежилась.